

А.А. Горский

(доктор ист. наук, профессор кафедры истории России до XIX в. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова)*

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ
И «ПРИЗВАНИЕ ВАРЯГОВ»**

Статья посвящена ключевым проблемам складывания государства Русь — первого государства восточных славян. Автор рассматривает роль норманнов (варягов) в этом процессе. Особое внимание уделено фигуре легендарного первого русского князя Рюрика.

Ключевые слова: Русь, начало русского государства, древние славяне, варяги, Рюрик.

The article deals with key problems of the foundation of state Rus' — first state of Eastern Slavs. The author studies the role of Normans (Vikings) in this process. The special attention is paid to the first legendary Russian prince Rurik.

Key words: Rus', origin of Russian state, ancient Slavs, Vikings, Rurik.

* * *

Формирование государственности — исторический процесс, в рамках которого могут быть выделены конкретные события, определенные вехи. Что касается начала русской государственности¹, то таких событий отмечается несколько. Среди них — первое упоминание названия *русь* в источниках — известие франкских Бертинских анналов под 839 г. о послых народа Rhos, посетивших Византию и Франкское государство²; поход *руси* на Константинополь 860 г., описанный в византийских источниках³; занятие новгородским князем Олегом Киева (по «Повести временных лет» — в 882 г.)⁴. Особое место занимает событие, описанное в «Повести временных лет» (памятнике начала XII в.) под 6370 (862) г., а в более раннем летописном произведении, так называемом Начальном своде (конец XI в.) — под 6362 (854) г.⁵

* Горский Антон Анатольевич, тел.: 939-54-40; e-mail: gor-ks@yandex.ru

¹ Термин «русский» здесь и ниже употребляется в «средневековом» смысле (= восточнославянский).

² Annales Bertiniani. Hannoverae, 1883. P. 19—20.

³ См.: Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение руси в средневековых письменных источниках // Древнейшие государства Восточной Европы. 2000 г. М., 2003.

⁴ ПСРЛ. Т. I. М., 1997. Стб. 22—24.

⁵ Обе даты условны, так как датировки событий IX столетия реконструировались летописцами в конце XI — начале XII в. с опорой на отрывочные данные, заимствованные из греческих хроник (см.: Лурье Я.С. Россия Древняя и Россия Новая. СПб., 1997. С. 56—99).

Новгородская первая летопись (текст Начального свода)

Во времена же Кыева и Щека и Хорива новгородстии людие, рекомии словени, и кривици, и меря: словене свою волость имѣли, а кривици свою, а мере свою; кождо своимъ родомъ владаше; а чюдь своимъ родом; и дань даяху варягомъ от мужа по бѣлѣи вѣверици; а иже бяху у них, то ти насилье дѣяху словеномъ, кривичемъ и мерямъ и чюди. И вѣсташа словенѣ и кривици и меря и чюдь на варягы, и изгнаша я за море; и начаша владѣти сами собѣ и города ставити. И вѣсташа сами на ся воевать, и бысть межи ими рать велика и усобица, и вѣсташа град на град, и не бѣше в нихъ правды. И рѣша к себѣ: «князя поищемъ, иже бы владѣлъ нами и рядилъ ны по праву». Идоша за море к варягомъ и ркоша: «земля наша велика и обилна, а наряда у нас нѣту; да поидѣте к намъ княжить и владѣть нами». Избращася 3 брата с роды своими, и пояша со собою дружину многу и предивну, и приидоша к Новгороду. И сѣде старѣишии в Новѣгородѣ, бѣ имя ему Рюрикъ; а другыи сѣде на Бѣлѣозерѣ, Синеусъ; а третей вѣ Изборьскѣ, имя ему Труворъ. И от тѣхъ варягъ, находникъ тѣхъ, прозвашася Русь, и от тѣхъ словет Руская земля; и суть новгородстии людие до днешняго дни от рода варяжска⁶.

«Повесть временных лет»

В лѣто 6367. Имаху дань варязи, приходяще изъ заморья, на чюди, и на словѣнехъ, и на меряхъ, и на всѣхъ кривичахъ. И а козаре имахуть на полянехъ, и на сѣверехъ, и на вятичихъ, имаху по бѣлѣи вѣверици тако от дыма. <...>

В лѣто 6370. И изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани. И почаша сами в собѣ володѣти, и не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша. И ркоша: «поищемъ сами в собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и рядилъ по ряду, по праву». Идоша за море к варягомъ, к руси; сиче бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, англыане, инѣи и готе, тако и си. Ркоша русь чюдь, словенѣ, кривичи и вся: «Земля наша велика и обилна, а наряда в ней нѣтъ. Да поидете княжити и володѣть нами». И избращася три брата с роды своими и пояша по собѣ всю русь, и придоша к словѣномъ пѣрвѣе, и срубиша город Ладогу, и сѣде старѣишии в Ладозѣ Рюрик, а другыи, Синеусъ, на Бѣлѣозерѣ, а третѣи, Труворъ, в Изборьскѣ. И от тѣхъ варягъ прозвася Руская земля⁷.

⁶ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950. С. 106.

⁷ ПСРЛ. Т. 2. М., 2001 (текст «Повести временных лет» по Ипатьевской летописи). Стб. 14; ср.: Т. 1. Стб. 20 (текст «Повести временных лет» по Лаврентьевской летописи).

Традиционно это событие обозначается как «призвание варягов», но такая его характеристика, мягко говоря, неточна.

Во-первых, в текстах Начального свода и «Повести временных лет» отсутствует слово «призвание» (или «призвати»). Летописный рассказ говорит по сути о *приглашении на княжение*. Приглашаются не вообще «варяги» (этим словом обозначались скандинавские народы), а те, кто по своему общественному положению могли претендовать на княжеский статус. То есть речь следует вести не о «призвании варягов», а о «приглашении князя-варяга».

Летописный сюжет записан много позже самого события (не ранее конца X в.⁸), но серьезных оснований предполагать в нем литературный вымысел нет. В тексте присутствует определенное противоречие: сначала некие варяги, взимавшие дань со словен и их соседей, были изгнаны, но обратились изгнавшие с приглашением прийти к ним на княжение все равно к варягам. В «Повести временных лет» это противоречие практически снято благодаря вставке («к руси; сице бо звахуть ты варягы русь, яко се друзии зовутся сее, друзии же урмани, ангыляне, инфи и готе, тако и си»), разъясняющей, что варяги бывали разные (из чего читатель мог заключить, что пригласили князя не от тех варягов, которых изгнали). Но в наиболее раннем дошедшем варианте сюжета — в Начальном своде — и изгнанные, и те, от кого пригласили князя, названы просто «варягами», и читатель был вправе предполагать, что обратились к тем, кого только что изгоняли. Очевидно, и «изгнанные», и «приглашенные» назывались «варягами» без уточнения в исходном варианте рассказа, передававшимся в течение конца IX — X столетий изустно, и летописец, первым записавший его, добросовестно зафиксировал это.

Каково же значение приглашения князя-варяга для дальнейшего хода процесса государствообразования в Восточной Европе? Правомерно ли сводить его только к появлению княжеской династии?

У восточных славян в IX столетии, несомненно, шли процессы, ведущие к образованию государств. Традиционная трактовка восточнославянского общества накануне образования государства как «племенного» не соответствует ни данным источников⁹, ни современным научным представлениям о политогенезе. В последние полвека на основе изучения общественного устройства народов, сохранивших архаический общественный строй до Нового времени, этнологи пришли к выводу, что племя не перерастает в государство.

⁸ Это наиболее ранняя датировка гипотетического древнейшего летописного памятника (см.: *Гиппиус А.А.* История и структура оригинального древнерусского текста (XI—XIV вв.): Автореф. ... докт. ист. наук. М., 2006. С. 20—26).

⁹ Восточнославянские догосударственные общности (поляне, древляне, дреговичи, вятичи и др.) ни в одном источнике ни разу не именуются «племенами».

Между племенным и государственным устройством существовала особая стадия. Ее принято обозначать английским словом *chiefdom*, что обычно переводится на русский язык как «вождество». Главное отличие племени от вождества в том, что племя эгалитарно: в нем есть старейшины, но они не являются наследственной знатью. Напротив, вождество иерархично: в нем существуют знатные роды, в первую очередь род вождя. Именно от стадии вождеств следовал переход к государствообразованию¹⁰. У славян племенная структура была сломана в ходе славянского расселения по Юго-Восточной, Центральной и Восточной Европе VI—VIII вв. Славянские догосударственные общности раннего Средневековья были новообразованиями, сложившимися в результате миграций, и, с точки зрения современных представлений о политогенезе, являлись вождествами¹¹. Византийцы, представители наиболее развитой государственности тех времен, подметили территориально-политический характер славянских группировок и уже начиная с VII столетия именовали их преимущественно не терминами *γένος* и *ἔθνος*, указывающими на этническую общность, а термином, образованным от общеславянского самоназвания *словъне* — «славинии» (*Σκλαβηνία*)¹².

Формирование государства Русь шло практически одновременно со складыванием западнославянских государств — Чехии и Польши, в течение IX—X вв. Сходны были и характерные черты в формировании Древнерусского и западнославянских государств. И на Руси, и в Чехии, и в Польше ядром государственной территории становилась одна из «славиний», а соседние постепенно вовлекались в зависимость от ее правителей. Во всех названных странах основной «государствообразующей» силой была княжеская дру-

¹⁰ Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000.

¹¹ См.: Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 1999. С. 160—177; Горский А.А. Русь: От славянского Расселения до Московского царства. М., 2004. С. 10—14; Он же. К вопросу об уровне развития восточнославянского общества накануне образования государства Русь // Восточная Европа в древности и средневековье: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. XXIII Чтения памяти В.Т. Пашуго. М., 2011.

¹² См.: Литаврин Г.Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984. Этот термин прилагался к группировкам не только балканских славян, но также западных и восточных. Так, император Византии Константин VII Багрянородный в своем трактате «Об управлении империей» (середина X в.), говоря о зависимых от киевских князей восточнославянских группировках, определяет их как «Славиний вервианов, другуйтов, кривичей, севериев» (т.е. древлян, дреговичей, кривичей и северян, см.: Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989. С. 44—45, 50—51; ср. у него же употребление того же понятия применительно к общностям западных славян: Там же. С. 107—109).

жина. Везде наблюдается смена старых укрепленных поселений (градов) новыми, служившими опорой государственной власти¹³.

Тем не менее государство Русь по одному признаку выделяется из ряда других славянских государств. И у западных, и у южных славян сложилось по нескольку государств, а восточные славяне все оказались объединены в одном: данный факт, обычно воспринимаемый как само собой разумеющийся, в действительности является уникальным. Между тем для IX столетия у восточных славян можно говорить о нескольких центрах потенциального государствообразования: в Среднем Поднепровье (у полян), на севере Восточной Европы (у словен и их соседей), в землях северян, древлян, волынян, прикарпатских хорватов. Развитие вполне могло пойти таким образом, что на Восточноевропейской равнине образовалось бы и существовало несколько государственных образований (собственно позже, с XII в., такая полицентричная система государств здесь сформировалась и просуществовала несколько столетий).

В этом свете роль Рюрика и пришедшего с ним контингента выглядит более существенной, чем только начало династии. Именно Рюрик и его преемники с их дружинами производили объединение «славиний» Восточной Европы (и некоторых неславянских общностей — мери, веси, муромы) под единой властью. Варяги, приходившие в Восточную Европу ранее, ограничивались установлением контроля над отдельными участками торговых путей: на Севере — в Поволховье и Верхнем Поволжье, на Юге — в земле полян (летописные Аскольд и Дир)¹⁴. Рюрик после своего прихода установил на Севере Восточноевропейской равнины более масштабную систему власти, в которой появился такой важный элемент (получивший развитие при последующих русских князьях), как управление территориями не через посредство местных правителей,

¹³ Štěpanek M. *Opevněné síliště 8—12 století ve střední Evropě*. Praha, 1965; *Łowmiański H. Początki Polski*. T. 4. Warszawa, 1970. S. 445—493; T. 5. Warszawa, 1973. S. 310—504; *Флоря Б.Н.* Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания племен Чешской долины // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. С. 108—111, 117—119; *Он же*. Государственная собственность и централизованная эксплуатация в западнославянских странах в эпоху раннего феодализма // Общее и особенное в развитии феодализма в России и Молдавии. Проблемы феодальной государственной собственности и государственной эксплуатации (ранний и развитый феодализм). М., 1988; *Ратков И.* Великая Моравия — территория и общество // Великая Моравия, ее историческое и культурное значение. М., 1985. С. 81—89; *Тржешич Д.* Среднеевропейская модель государства периода раннего феодализма // Этносоциальная и политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987; *Жемличка П., Марсина Р.* Возникновение и развитие раннефеодальных централизованных монархий в Центральной Европе (Чехия, Польша, Венгрия) // Раннефеодальные государства и народности (южные и западные славяне VI—XII вв.). М., 1991; *Горский А.А.* Русь. С. 46—48, 87—94, 108—111.

¹⁴ Новгородская первая летопись... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 19—21.

а путем назначения наместников¹⁵ (в современной политической антропологии это признается одним из признаков перехода от «вождества» к государству). Олег объединил северные территории словен, кривичей и их финноязычных соседей с политическим образованием в Среднем Поднепровье и сделал данниками ряд «славиний» Юга Восточной Европы (древлян, северян, радимичей)¹⁶. Сменивший его Игорь еще более расширил подвластную Киеву территорию на Юге¹⁷. Позже Ольга непосредственно подчинила Киеву землю древлян¹⁸, Святослав покорил вятичей¹⁹, а Владимир к концу X столетия стал управлять всей Русью через наместников (сыновей), что знаменовало собой завершение формирования государственной территории²⁰.

Таким образом, объединение осуществляли норманны по происхождению, но не любые, а варяжские князья, и тоже не всякие, а Рюрик и его преемники при помощи своих дружинных контингентов. Норманны, появившиеся на Руси в эпоху после прихода Рюрика, в течение X столетия, играли уже совершенно другую роль. Это были отряды викингов, нанимавшиеся русскими князьями для внешних войн. Часть таких варягов погибала в походах, часть возвращалась на родину²¹, часть оседала на Руси, пополняя дружинный слой. Ничего принципиально «государствообразующего» эти варяги внести не могли, поскольку деятельность их была подчинена интересам русских князей.

Таким образом, Рюрик и его люди сыграли в процессе государствообразования немаловажную роль: с ними появилась (и была закреплена деятельностью их потомков) тенденция к формированию крупного государства, объединившего все восточнославянские территории. Проблема здесь в том, что у скандинавов той эпохи тенденций к формированию такого рода государств не прослеживается. В Норвегии объединение областей в единое королевство исследователи датируют концом IX — началом X в., но в течение всего X и начала XI столетия это единство было непрочным. Образование единого государства в Дании относят к середине X в. Что же касается Швеции (откуда, судя по археологическим данным, происходило большинство приходивших в Восточную Европу «варягов»), то здесь формирование государства датируют в лучшем случае концом X — началом XI в., а некоторые ученые считают возмож-

¹⁵ Новгородская первая летопись... С. 106; ПСРЛ. Т. 1. Стб. 20.

¹⁶ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 23—24.

¹⁷ Новгородская первая летопись... С. 109—110; Константин Багрянородный. Об управлении империей. С. 44—45, 50—51, 156—157.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 54—60.

¹⁹ Там же. Стб. 65.

²⁰ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 81—84, 121; см. также: Горский А.А. Русь. С. 58—76.

²¹ См.: Лебедев Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе. М., 1985.

ным относить его и вовсе только к XII столетию²². Между тем на Руси уже к 940-м гг. сложилась политическая система, охватывающая огромную территорию — от Невы и Ладожского озера до днепровских порогов; под непосредственной властью киевских князей были территории полян, словен, части кривичей, их верховенство признавали еще сохранявшие собственных князей «славинии» древлян, дреговичей, северян, лендзян, радимичей, уличей, другой части кривичей²³. Подчинение всей восточнославянской территории было завершено киевскими князьями к концу X в., но уже к середине этого столетия они контролировали территорию, несопоставимую по масштабам с владениями каких-либо скандинавских конунгов. Что касается стран, куда норманны уходили в ходе «движения викингов», то там, где они осуществляли экспансию на земли народов, не имевших еще сложившейся государственности, не появлялось не только крупных, но вообще никаких государств: викинги не создали государств ни в Ирландии, ни в земле пруссов (между низовьями Вислы и Немана), ни в Восточной Прибалтике.

Получается, что ни восточные славяне, ни норманны не имели таких «государствообразовательных потенциалов», которые позволили бы создать то сверхкрупное государство, которое мы видим на карте Восточной Европы к середине X столетия. При этом, вновь обращаясь к южным и западным славянам, надо отметить, что их государственность возникла под влиянием развитой государственности соседей: у южных славян — византийской и (для Хорватии) франкской, у западных — франкской. Для Руси же, где было создано намного более крупное государство, и практически без «запаздывания» по времени появления, таких влияний не просматривается. Византия находилась в отдалении, ее влияние проявится позже (и главным образом в культурной сфере). Еще более отдалена (и отделена западнославянскими землями) была от восточных славян империя франков. Остается норманнское влияние, но норманны сами не имели еще государственности... Исследователи вынуждены вращаться в замкнутом круге: те, кто скажет, что государство создано восточными славянами при некотором участии норманнов, встретят аргумент, что у славян не было тенденций к формированию столь масштабных государств; те, кто станет утверждать, что Русь была создана норманнами при некотором участии восточных славян, получают аргумент, что таких тенденций не было у норманнов, и вообще они не могли быть носителями государственности, поскольку сами еще находились на догосударственной стадии развития.

²² См.: *Роздаль Э.* Мир викингов. СПб., 2001. С. 59—70; *Андрощук Ф.А.* От Рагнара Лодброка до Видгаутра (о датских и шведских контактах сембов и куршей в эпоху викингов и в раннем средневековье) // Ладога и Глеб Лебедев. Восьмые чтения Анны Мачинской. СПб., 2004. С. 113.

²³ См.: *Горский А.А.* Русь. С. 58—75.

Для ответа на вопрос, с чем была связана особая роль варяжского контингента во главе с Рюриком и его потомков в установлении той масштабной системы властвования в Восточной Европе, которая сложилась в течение конца IX — X в., необходимо мобилизовать те скудные данные, которые имеются в источниках об этой группировке.

«Повесть временных лет» помещает Рюрика и его людей (первоначальную *русь*, по мнению летописца) в определенный географический контекст, в ряду с другими «варягами» — свеями (шведами), урманами (норвежцами), готами (жителями о. Готланд в Балтийском море) и англянами (англичанами). Фактически *русь* названа на месте данов (датчан), которые не упомянуты, несмотря на то, что на Руси в начале XII столетия (во время составления «Повести временных лет») их хорошо знали. То есть в представлении летописца Рюрик и его люди были данами²⁴. Вероятно, информация о датском происхождении родоначальника русской княжеской династии была получена в 1116 г., в ходе посольства в Данию, связанного с заключением брака между дочерью новгородского князя Мстислава Владимировича (сына киевского князя Владимира Мономаха) Ингибьорг и датским герцогом Кнудом Лавардом. В Дании хорошо помнили тезку и современника Рюрика — одного из видных предводителей датских викингов в IX столетии Рёрика, и скорее всего, эти персонажи были в результате разысканий, предпринятых русской стороной во время визита 1116 г., отождествлены²⁵.

Косвенным свидетельством в пользу «датской» версии происхождения Рюрика является упоминание о предшествовавшем его приглашению изгнанию варягов, бравших дань со словен и их соседей. Варягами, взимавшими дань, были скорее всего викинги из Средней Швеции — Свеаланда, области Скандинавии, наиболее близкой к региону Поволховья и Приладожья. Следовательно, маловероятно, чтобы князя стали приглашать от тех же варягов, которых изгнали. Соответственно приглашение предводителя «других» варягов — датских — было бы вполне логичным²⁶.

Из скандинавских народов именно даны в IX столетии наиболее тесно контактировали с тогдашним центром цивилизации Западной Европы — Франкской империей и государствами — ее наследниками. В связи с этим примечательно соотношение *руси* с франками, имеющее место в двух византийских хрониках середины X в., где встречаются определения *руси* как происходящей

²⁴ См.: Горский А.А. Повесть временных лет о руси Рюрика // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 6 (6). С. 17—20.

²⁵ Там же. С. 20—23.

²⁶ Ср.: Кирпичников А.Н., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Варяги и Русь // Славяне и скандинавы. М., 1986. С. 193—194; Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003. С. 109.

«от рода франков» — ἐκ γένους τῶν Φράγγων. Это Хроника Продолжателя Феофана и Хроника Симеона Логофета в двух (из трех известных) ее редакций — Хронике Георгия Амартола (с продолжением) по Ватиканскому списку и Хронике Псевдо-Симеона. Анализ этих сообщений²⁷ привел к следующим выводам: 1) они были записаны в середине 940-х гг. (до 948 г.); 2) тезис о тождестве руси и франков исходил от русских; 3) его выдвижение было, скорее всего, связано с планами правительницы Руси (с 945 г.) княгини Ольги заключить династический брак с византийским императорским домом, который, по традиции, соблюдал запрет на заключение матримониальных союзов со всеми иноземцами, кроме франков.

Под происхождением от франков вовсе не обязательно подразумевалось происхождение всей *руси* в смысле всего населения, подвластного русским князьям: речь могла идти о правящей верхушке, наиболее политически активной части общества, которая в средневековых представлениях была главным носителем этнонима. Между тем в Византии в ту эпоху «франками» называли жителей государств, сложившихся на месте империи Карла Великого и его потомков (безотносительно их этнической принадлежности)²⁸. То есть если допускать, что отождествление *руси* с франками, зафиксированное в византийских хрониках середины X в., имело какую-то основу в реальности, то такой основой могло быть пребывание предков русских князей и лиц из их окружения во владениях Каролингов, которое давало им возможность выводить себя «от франков», в широком смысле понятия, принятом в Византии.

Итак, надо признать, что к объединению всех восточных славян в единое государство привело воздействие норманнов. Но, во-первых, не всех викингов, приходивших на территорию Руси в течение IX—X вв., а только одного контингента — дружины Рюрика (позже возглавленной Олегом), появившейся в Восточной Европе, скорее всего, в начале последней четверти IX столетия. Во-вторых — и главное — этот контингент был норманнским больше по названию, чем по сути. Его представители, видимо, относились к наиболее «франкизированной» на тот момент группировке выходцев из Скандинавии²⁹. Они должны были являться в большей мере

²⁷ Горский А.А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).

²⁸ Поэтому определение «от рода франков» не может быть указанием на норманнское происхождение руси — скандинавы в население владений Каролингов не входили.

²⁹ Если Рюрик является одним лицом с Рёриком, представителем рода датских конунгов, то близость его и его людей к франкам неудивительна: Рёрик около 40 лет провел на франкской территории, послужив пятерым императорам и королям (новейшую сводку данных о Рёрике см.: Пчелов Е.В. Рюрик. М., 2010. С. 134—156). Возглавляемый им контингент во второй половине IX столетия был испытанным наибольшим франкское влияние среди всех норманнов.

носителями традиций франкской государственности, чем скандинавских общественных порядков. Их воздействие следует в таком случае считать не норманнским, а франкским, только «перенесенным» лицами скандинавского происхождения. По существу это было воздействие франкской государственности на процессы государствообразования у восточных славян. Таким образом, имело место обычное в истории влияние развитой цивилизации на формирующуюся. В последнее время исследователи разных стран все больше обращают внимание на воздействие франкского общества на политическое развитие скандинавов и западных славян в Раннем Средневековье, приходя к выводу о значительной роли контактов с франками для политогенеза в Центральной и Северной Европе³⁰. Сказанное выше позволяет предположить, что и восточные славяне не оказались в стороне от такого воздействия: специфика состояла в том, что в данном случае оно исходило не от непосредственных соседей — имели место переход его носителей на значительное расстояние и интеграция в местное общество. Такое предположение позволяет объяснить, почему образование государства у восточных славян, более географически удаленных от тогдашних центров цивилизации, чем славяне западные, происходило практически без отставания в темпах в сравнении с последними.

Список литературы

1. Буданова В.П., Горский А.А., Ермолова И.Е. Великое переселение народов: этнополитические и социальные аспекты. М., 2000.
2. Горский А.А. Повесть временных лет о Руси Рюрика // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 6 (6).
3. Горский А.А. Русь «от рода франков» // Древняя Русь: вопросы медиевистики. 2008. № 2 (32).
4. Кузенков П.В. Поход 860 г. на Константинополь и первое крещение Руси в Средневековых письменных источниках // Древнейшее государство Восточной Европы. М., 2003.
5. Литаврин Г.Г. Славинии VII—IX вв. — социально-политические организации славян // Этногенез народов Балкан и Северного Причерноморья. М., 1984.
6. Розсдаль Э. Мир викингов. СПб., 2001.
7. Свердлов М.Б. Домонгольская Русь: Князь и княжеская власть на Руси VI — первой трети XIII в. СПб., 2003.
8. Тржешитик Д. Среднеевропейская модель государства периода раннего средневековья // Этносоциальная политическая структура раннефеодальных славянских государств и народностей. М., 1987.
9. Флоря Б.Н. Формирование чешской раннефеодальной государственности и судьбы самосознания илемон Чешской домены // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981.

³⁰ Franks, Northmen, and Slavs: Identities and State Formation in Early Medieval Europe. Vrepols, 2008.